

**ОСОБЕННОСТИ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА»
(ПО КНИГЕ Л.Я. ГИНЗБУРГ «ЗАПИСКИ БЛОКАДНОГО ЧЕЛОВЕКА»
И ОЧЕРКУ В. ШКЛОВСКОГО «ПЕТЕРБУРГ В БЛОКАДЕ»)**

Синявина Е.К.

г. Санкт-Петербург, СОШ № 548, 10 «Б» класс

*Руководитель: Титоренко С.Ю., г. Санкт-Петербург, СОШ № 548,
учитель русского языка и литературы*

Изучая в школе различную программную литературу, можно заметить, что не всегда хватает времени для внимательного прочтения этой литературы, настолько ее много, настолько она интересна, многогранна, что приходится ее перечитывать дважды-трижды, чтобы открыть ее для себя по-новому.

И совершенно немного времени остается на знакомство с не менее интересными произведениями публицистической литературы, которой, к сожалению, мало в школьной программе, а ведь и она может дать читателю много ответов на его жизненные вопросы.

**Тема работы и обоснование
выбора темы**

Мне всегда было интересно состояние человека во время блокады города, но я прежде не задумывалась, что понятие «блокада» было употребляемо и до ВОВ: во время революции город Петроград тоже был в блокаде. Желание узнать о состоянии человека в эти периоды появилось у меня еще на уроках, ведь каждый год в сентябре и январе мы говорим о стоическом характере жителей Ленинграда во время ВОВ.

Предлагаемая Вашему вниманию исследовательская работа посвящена изучению термина «человеческий документ», анализу и сопоставлению книги Л. Я. Гинзбург «Записки блокадного человека» с очерком В. Шкловского «Петербург в блокаде», выявлению жанровых особенностей.

Гипотеза: книга Л. Гинзбург и очерк В. Шкловского являются яркими примерами «человеческого документа» и отражают его основные черты.

Актуальность

Документальность и объективность стали сегодня неотъемлемой частью нашей жизни. Мы используем разные источники, ресурсы, чтобы дополнить как уже хорошо известные, так и мало известные факты, выяснив причины и следствия происходящих событий; часто задумываясь об официальной версии событий, принятых обществом позициях об известном и неизвестном, мы ищем свое, достоверное, настоящее.

Вопрос блокады города в последние годы оказывается в фокусе исследовательского внимания, современное литературоведение и лингвистика все чаще обращается к документальным, публицистическим трудам разных авторов, разных жанров с целью выявления особенностей времени исторических катастроф, состояние города и человека, живущего в нем, в эти периоды.

Новизна

На сегодняшний день существует много работ, посвященных этой теме. Однако я решила изучить тему на примере анализа и сопоставления двух текстов авторов-блокадников, непосредственно переживших состояние катастрофы, рассказав о них по своему, придерживаясь, безусловно, официальных и авторитетных мнений.

Цель работы

Целью моей работы является выявление особенностей «человеческого документа» текстов «Записки блокадного человека» Л. Гинзбург, «Петербург в блокаде» В.Шкловского.

Задачи

Для достижения этой цели передо мной стояли следующие задачи:

- изучить литературу по теме;
- выяснить значение важных терминов;
- прочитать, изучить тексты, проанализировав их, найти сходства и различия;
- понять, почему их можно считать документальной литературой или «человеческим документом»;
- проанализировать полученные результаты;
- сделать выводы об особенностях «человеческого документа», его значимости для нас.

**Основные термины и понятия,
история вопроса**

Ключевые понятия для нашего исследования:

- документальная литература
- человеческий документ

«Документальная литература – это художественная проза, исследующая исторические события и явления общественной жизни путем анализа документальных материалов, воспроизводимых целиком, частично или в изложении. Сводя к минимуму творческий вымысел, Документальная литература своеобразно использует художественный синтез, отбирая реальные факты, которые сами по себе обладают значительными социально-типическими свойствами. Качество отбора и эстетическая оценка изображаемых фактов, взятых в исторической перспективе, расширяют информативный характер документальной литературы и выводят ее как из разряда газетно-журнальной документалистики (очерк, записки, хроника, репортаж) и публицистики, так и из исторической прозы. С другой стороны, идейно-эмоциональное содержание документальной литературы сближает ее с художественным очерком и мемуарами, однако, в отличие от свободного использования ими фактического материала, документальная литература строго ориентирована на достоверность и всестороннее исследование документов. Документальная литература представляет собой явление сравнительно новое и развивающееся; границы ее жанров – предмет литературоведческих дискуссий.

Расцвет документальной литературы начался после второй мировой войны 1939-1945, вызвавшей к жизни огромный поток произведений, осмыслявших события войны, духовный опыт народов.

Литература по теме

Местергази Елена Георгиевна «Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века)

Е.Г. Местергази – признанный авторитет в изучении документального начала в литературе. Ее монография «Литература нон-фикшн» Экспериментальная энциклопедия. Русская версия» – первый отечественный опыт обобщения и систематизации проблематики, связанной с феноменом «невывымышленной» прозы. Впервые была предпринята попытка дать целостную картину развития такого рода литературы, описать и систематизировать существующую терминологию, рассмотреть комплекс теоретико-литературных проблем, связанных с изучением такого рода произведений.

Исследование вопроса

В первой главе своего исследования Местергази Елена Георгиевна объясняет появление документального начала так:

«О существовании документального начала в литературе было известно с незапамятных времен, но до определенного момента в его развитии не наблюдалось сколько-нибудь видимых перемен. Первые признаки чего-то нового обнаружили во второй половине XIX столетия. Процесс этот в определенной мере был спровоцирован, или лучше – подготовлен, самым ближайшим прошлым: эпохой расцвета культуры салонов и кружков первой половины столетия с ее культом писем, дневников, альбомов, записных книжек, записок – с одной стороны; растущей тягой к постижению «внутреннего человека» – с другой; первыми плодами разрушения патриархальных устоев и наступления века научно-технического «прогресса» – с третьей».

В работе она отмечает, что причин, вызвавших столь мощный всплеск в развитии документального начала в литературе, много:

– «неуклонно нарастающее в литературе XX века расщепление, поляризация вымысла и правды»;

– интенсивность современной жизни и способность факта (документа), пробивая существующий штамп, дать выход «таланту самой жизни»;

– факт (документ) – «это нечто открытое, открытое для твоего свободного осмысления, нечто противоположное замкнутой в себе авторской концепции» и т. п.

Но главная причина все-таки кроется не в неких, что называется «технических», возможностях факта (документа) в организации художественного целого, а в его способности реализовывать ту важнейшую и труднейшую задачу, которая носит всеобщий (всемирный) характер и выдвигается на первый план в литературе XX века.

Сегодня в отечественной науке в качестве синонимичных успешно функционируют понятия, не всегда таковыми являющиеся: «документальная литература», «документально-художественная литература», «газетно-журнальная документалистика», «литература факта», «человеческий документ», «литература нон-фикшн / non-fiction» и т. д. Большинство из них рождено в литературно-критической практике и «официально» наукой не признано, не имеет прочного статуса.

По мнению ученого, именно поэтому пока оправданным представляется использование словосочетания «документальное начало в литературе», не имеющего строго терминологического характера, но вместе с тем емкого и верного по своей сути.

«Человеческий документ» («литература человеческого документа») часто использу-

ется в качестве самостоятельного термина. Известны три различных его значения.

а) Первое не имеет строго терминологической очерченности. В литературоведении, журналистике и критике под человеческим документом часто подразумевается вообще некое творение, запечатленное в какой-либо осязательной, уловимой форме и так или иначе свидетельствующее об авторе.

б) Второе значение близко по смыслу «документальной литературе», и чаще всего применяется по отношению к мемуарам, воспоминаниям, автобиографиям, письмам.

в) Третье значение, более узкое и специальное, ввел в научный обиход в 1970-х годах П.В. Палиевский, впервые обративший внимание на новое явление, описавший его и давший ему название.

К литературе «человеческого документа» следует относиться, как отмечает Палиевский, только непреднамеренно всплывшие на поверхность “письмена”, не имевшие художественной цели: «Их выход в свет есть всякий раз несколько загадочное событие, так как никто не может с достоверностью утверждать, что создатели их – люди художественного таланта, это какое-то невольное искусство. Но это и наделяет их особым качеством. Благодаря ему читатель спокойно видит тут в роли художника целое общество или жизнь, сотворившую и автора, и документ. Поскольку эта литература создается без писателя, как удачное выражение момента, она не может приобрести направление или составить какое-либо целое. В случайностях остаются ее сила и слабость. Этим она, между прочим, отличается и от многочисленных к ней приближений или подделок».

Невымысленная литература

Во второй главе этой работы, Местергази Е.Г. подчеркивает, что читатель сталкивается с «невымысленным» повествованием. Размышляя о *специфике художественной образности*, Местергази Е.Г. отмечает факт прямого обращения автора к читателю, его *полюемически заряжающее, казалось бы, бесстрастного, почти летописного, повествования*. Наряду с такими тропами, как *метафора, метонимия, сравнение, эпитет, и другими элементами эмоционально-экспрессивной структуры авторы используют символику*. Логика развития документа – от простого факта бытия до готового образа – приводит к созданию художественной реальности.

В «невымысленной» литературе, для творчества есть два пути реализации. Первый путь – через слово писателя, привлекающего документ и дающего ему право

самостоятельного голоса. Второй – творчество самой жизни, «заговорившей» без помощи писателя. Такова, например, «литература человеческого документа». Здесь эстетическое пересоздание действительности выглядит наиболее условным, ибо приходится признать его непреднамеренный характер. Авторство «самой жизни» с трудом соотносится с теми требованиями, которые готова предъявить искусству наука. Творческий потенциал такого рода литературы напрямую связан с прямым эстетическим воздействием факта.

Воздействие литературы с главенствующим документальным началом основано на присутствующей в нем возможности «самоосуществления смысла», на наличии того знания жизни, которым окутано произведение.

Еще одна важнейшая проблема, всякий раз возникающая при анализе произведения с главенствующим документальным началом, – проблема правды и правдоподобия, само по себе открытие для читателя документа, факта не всегда достаточно, особенно для «большой» прозы. Эпическое начало в ней может быть организовано прежде всего уникальным авторским видением.

Вместе с тем необходимо признать, что «документальная литература» представляет читателю бесконечное множество людских «правд», в котором жизнь зачастую дробится, разбиваясь на отдельные кусочки, в то время как великая классическая литература, покоящаяся на вымысле, собирает правду в некое целое, свидетельствующее о человеке вообще. И в этом ее непреходящая ценность.

Обобщение

После прочтения работы Местергази Е.Г. возникают мысли о том, что *сейчас мы живем в ситуации «смерти письма»: сообщения стали слишком быстрыми, чтобы имело смысл заботиться о форме – она оказывается в большинстве ситуаций за границами осмысления, поскольку мы всегда можем скорректировать сообщение: важна информация, а не та форма, в которую она заключена – в случае непонимания естественнее рассчитывать на переспрашивание, чем заботиться о сложности текста: он не предполагает перечитывания*.

Мы не пишем писем, не ведем записей, и от этого наш навык думать сложно и описывать современные, пережитые нами события тоже теряется. Нам осталось учиться у тех, кто делал это до нас, был, жил и писал.

Л. Гинзбург «Записки блокадного человека»

Между документальной и художественной литературой не всегда можно провести четкие границы, но есть единый принцип, который делает документальную прозу документальной. Имеется в виду установка на подлинность, которая является особым качеством такой литературы. Но эта подлинность не означает, что все написанное – реальные факты. И фактические отклонения не говорят нам о недостоверности, так как, чтобы литература считалась искусством, необходима как раз эстетическая организованность текста, о которой было сказано ранее и которая подразумевает использование фактов для реализации авторской идеи, ее воплощения, создания художественного образа и др.

Для того чтобы разобраться в особенностях документальной литературы, мною взяты тексты об исторических событиях, которые сегодня на слуху у каждого петербуржца. Такими событиями являются блокады Петрограда/Ленинграда во времена Гражданской и Великой Отечественной войн.

Средства создания «человеческого документа» и особенности жанра

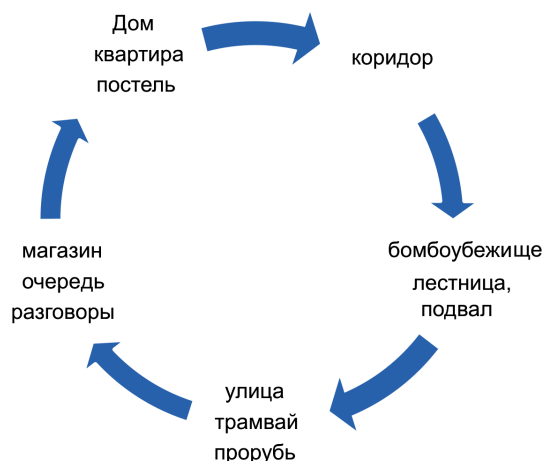
Л. Гинзбург, советский и российский литературовед, писатель, мемуарист, посвятила блокаде Ленинграда целый ряд работ, к числу которых принадлежат и «Записки блокадного человека». В этой книге целью автора было создать обобщенную картину блокадного бытия, хотя сама Л. Гинзбург отмечала, что хотела показать «не только общую жизнь, но и блокадное бытие *одного* человека», поэтому героем повествования стал Эн – «человек суммарный и условный».

Основным приемом, средством в создании пространственно-временного фона, передачи внутренних переживаний блокадного человека Эн можно отметить психологизм.

Психологический хронотоп. Описание блокадного города

Описание город в блокаде (в кольце, в круге) выстраивается через череду маленьких закрытых пространств. Автор говорит о жизни блокадного человека, как о «возобновляемом достижении разрушающихся целей...», которое они довели до наглядности бега по замкнутому кольцу»: неуютный дом, лестница, магазин, столовая, очередь, улица, учреждения, прорубь, трамвай, дом. Человек живет по режиму, и в этом режиме есть его спасение от смерти:

Хронотоп блокадного человека

Особенность гинзбургских описаний блокадного города, его жителей, разрушенных зданий состоит в том, что она рассматривает все окружающее как будто изнутри.

В «Записках...» можно заметить много конкретных *физических* и *физиологических* деталей: подробное описание разрушенных зданий, квартир Гинзбург отмечает, что разомкнуть круг могло событие, которое понималось по-разному, для одних – спасение, другим – горе, это смерть близкого человека. Смерть выступает и как фон, и как пространство, и как время умирать, и как образ.

Неслучаен эпитет «мертвые» талоны, «мертвые» размыкали круг голода и смерти ненадолго, но даже эти мгновения перехода смерти в жизнь продливали кому-то существование. Позже драматическая синекдоха «мертвые» читается экспрессивнее, и это будет слово автора, дающего ему право самостоятельного голоса, а может даже, самой жизни, «заговорившей» без помощи писателя. Здесь эстетическое пересоздание действительности выглядит наиболее условным. Так или иначе пространство блокадного человека влияло на него определенным образом, то возрождая в нем человека, то уничтожая в непрерывной борьбе за выживание.

Навсегда врезается в память переживание опрокинутого времени. Неуследимо короткое настоящее, которое заполнилось огромным, ужасным содержанием, уже стало концом всего или началом долгой муки. Гипертрофированный обед, ритуальное отсиживание в подвале – предел несвободы и отрицания ценности человека.

Значимое место в психологическом хронотопе занимают магазин и очереди к нему. Каждодневный поход в магазин превращается в режимный ритуал. И здесь «режим» бло-

кадного человека можно сравнить с рецептом врача, не случайно магазин, в котором выдают хлеб, сравнивается с амбулаторией.

Определенно, иногда остранным и вместе с тем по-человечески обреченно Л. Гинзбург описывает очереди, как отдельное пространство жизни блокадного человека, в которых он проводил много. *Очередь – собрание людей, обреченных на принудительную праздную и внутренне разобщенную общность. Очередь – сочетание полной праздности с тяжелой затратой физических сил. В очередях крайне мало людей, читающих книгу, даже газету. Это удивляет только никогда не стоявших в ежедневных, многочасовых очередях. «В психологии очереди, – пишет Л. Гинзбург, – заложено нервное, томящее стремление к концу, к внутреннему проталкиванию пустующего времени». Психическое состояние человека, стоящего в долгой очереди, обычно непригодно для других занятий. Пока он в очереди, он, как и вся очередь, охвачен физической жаждой движения, хотя бы иллюзорного. Задние кричат передним: «Да продвигайтесь вы, чего застряли!» Зимние дистрофические очереди были жутко молчаливы. Постепенно, с ростом хлебного пайка, с весенним теплом и появлением зелени (люди покупали и варили ботву) повадки очереди менялись. Очередь стала разговаривать, потому человек не выносит вакуума – одно из основных назначений слова. Бессмысленные разговоры в нашей жизни имеют не меньшее значение, чем осмысленные.*

Разговор с такими, как сам Эн, был не его, а какой-то самостоятельной частью пространства города, позволяющей выживать. Л. Гинзбург рассматривает разговор как часть жизни блокадного человека и вместе с тем показывает, что и темы для него, и участники его, и этикет его никакого значения не имели для всех вступающих в этот разговор. Это способ сохранения *старого мира – мира интеллигентного быта, мира важности общения как способа реализации способностей человека. Хотя в разговорах «блокадных» ничего из старого мира не осталось. Ход разговора в своем роде детерминирован, но эти пружины скрыты от разговаривающих. Субъективно они совершают акт почти независимый от сопротивления объективного мира, тяготеющего над каждым поступком. Это чаще всего был рассказ о себе, о своей семье; именно о том, как и что семья ела – отсюда его всеобщий, объективный интерес.* Л. Гинзбург передает разговоры в очереди, но разговоры во время блокады отличаются от прежнего, довоенного, так как человек сознательно и

бессознательно вынужден говорить только на определенные темы. Так узкий круг злободневных проблем отстраняет блокадного человека от прежней свободной, мирной, многофункциональной жизни города.

В условиях блокады меняется психология человека.

Особое внимание Л. Гинзбург уделяет трамваю, который символично напоминает жизнь блокадного человека, жизнь «по режиму», Трамвай для него – с одной стороны, стальной технической объект, который бегаёт по кругу и разносит общее болезненное состояние от одного конца города к другому, он не выходит за пространства города, голода и смерти. С другой стороны, трамвай становится символом жизни, символом «обреченного, ограниченного, ежедневного бега по кругу». И блокадный человек учится у трамвая выживать, трамвай тоже часть блокады: блокады движения, свободного и необходимого, нового и ожидаемого, разомкнутого. *С третьей стороны, трамвай – маленькое замкнутое пространство, живущее своей внутренней и внешней жизнью, как и блокадный человек, по режиму, по кругу изо дня в день. Он выживает, потому что бегаёт.*

Если режим – рецепт, то сама блокада – болезнь, страшная болезнь, которая поразила город Ленинград и каждого его жителя. Гинзбург, постоянно нащупывающая терминологию для описания изменений в ощущении времени и пространства во время блокады, определяет это состояние как подвешенность: «Человек с удивлением начинает понимать, что, сидя у себя в комнате, он висит в воздухе у него над головой, под ногами так же висят другие люди». Согласно Гинзбург, эта подвешенность связана с осознанием абсолютной хрупкости, условности любого строения: бомбежка в одно мгновение может уничтожить как ощутимые архитектурные, так и неощутимые временные связи, каждая минута может стать последней и для одних, и для других.

Особенностью жанра становится отсутствие цели у автора показать сюжетно-художественную линию, это «письмена», не имеющие цели, удачное выражение драматических моментов, оголенность фактов и предрасположение повествовательного погружения в пространство и время происходящих событий, переживаний, ощущений блокадного города.

Рефлексия блокадного человека

Средством для создания «человеческого документа», характерной жанровой чертой можно назвать рефлексивность, она помогает придать тексту большую эмоциональную

оценочность, небезучастность автора; рефлексия можно назвать способом представления действительности.

Л. Гинзбург пишет, что режим и выживание человека в блокаде оправдывается задачей проанализировать, отрефлексировать.

Человек выжил, проживая каждый новый день так, как прошлый, таким образом забыв о физической боли, о смерти близких, соседей и других. Он, создав свою блокаду, свой круг, сам же смог прорвать его, только благодаря усилиям мысли и воли. Блокадный человек победил, отрефлексировав свой страшный опыт пережитой войны. Бесконечное чувство страха рассматривается как обыденное, как часть самого блокадного человека. *Настоящий страх вытесняет все остальное как несущественное.*

Раздражения, унижения пронизали жизнь. Отношения к смерти блокадного человека, которое не является чем-то страшным, скорее становится обыденным.

Все возможные отношения – товарищества и ученичества, дружбы и влюбленности – опали как лист; а это оставалось в силе. «То корчась от жалости, то проклиная, люди делили свой хлеб. Проклиная, делили, деля, умирали. Уехавшие из города оставили оставшимся эти домашние жертвы. И недостаточность жертв (выжил – значит, жертвовал собой недостаточно), а вместе с недостаточностью-раскаяние», – отзвучивает Л. Гинзбург. Выживая, блокадный человек привносил свой вклад в победу над разрухой, над собой, над смертью.

В «Записках...» прослеживается мысль о непрерывности интереса к поддержанию жизни Ирина Сандомирская в статье о блокадной социологии Гинзбург предлагает подробный анализ безжалостной формулы из «Записок блокадного человека» – идеи «хорошо организованного голода». Безусловно, блокадное существование навязывало свои законы и иерархии. Оксюморонное сочетание голода, смерти, ужаса и организации, которое И. Сандомирская прочитывает через идеи Мишеля Фуко о власти как биологическом регулировании, приводило к перестройке самых, казалось бы, первичных, незыблемых слоев сознания.

Действительно, в «человеческом документе» речевые формулы, рефлексия, организация психологического, регулятивного пространства создают фон подлинности происходящего, не возникает сомнения, что именно так могло все происходить.

Эффект остранения

При описании состояния блокадного человека Эн Л. Гинзбург чаще всего использует эффект остранения:

Остранение тела от ощущений создает некую иллюзию сна, от которого при чтении хочется быстрее проснуться. Остранения придают сухому документальному началу определенный смысл, на первом плане постоянно внутреннее состояние блокадного человека, ведь, кроме подлинности, в «человеческом документе» должна быть человеческая эмоция, необычная, драматичная, страдальческая, граничащая с большим сознанием, притупленным, приглушающим внешнее внутренним.

Символика как средство создания «человеческого документа»

Зима – символ бесконечности страданий, выступающий и как участник событий, враг людей, вынужденных терпеть ее последствия, ее вмешательство в и без того сплужную замкнутую жизнь, и как время для испытания города и его блокадного человека. В привычном поэтическом значении зима – это сияющая красота, легкое дыхание и веселый огонь, нежный снег, нежный мех. Но в период блокады города зима, как часть блокадного города, как сам блокадный человек, непобедима. А непобедимая блокадная зима – это тьма, ведра, замерзшие и тяжелые как камень; это холод, всегда холод, от которого ноет сердце.

Самым сложным символом является круг – блокадная символика замкнутого в себе сознания. Как его прорвать? Люди бегут по кругу и не могут добежать до реальности. Им кажется, что они воюют, но это неправда – воюют те, кто на фронте. Им кажется, что они не воюют, а только питаются, но и это неправда, потому что они делают то, что нужно делать в этом воюющем городе, чтобы город не умер.

Л. Гинзбург заключает: «Так бывает с людьми, если действия их не поступок, а только реакция. Как разомкнуть круг поступком? Поступок – всегда признание общих связей (без которых можно только мычать), даже вопреки человеку для него обязательных, хотя эгоцентрики твердят и будут и впредь твердить (в мировом масштабе) о самообманах и неконтактности и об абсурде».

В конце книги Гинзбург пишет: «Пишущие, хочешь – не хочешь, вступают в разговор с внеличным. Потому что написавшие умирают, а написанное, не спросив их, остается. Может быть, замкнутому сознанию проще было бы обойтись без смертного социального существования со всеми его принудительными благами. Может быть, втайне оно предпочло бы уничтожиться совсем, со всем своим содержимым. Но написавшие умирают, а написанное

остается. Написать о круге – прорвать круг. Как-никак поступок. В бездне потерянного времени – найденное».

Заключение

Обобщая материал по теме работы в «Записках» можно выявить следующие черты «человеческого документа»:

1) субъективности мировосприятия соответствует предельная объективность высказывания;

2) читатель сталкивается с «невывышленным» повествованием;

3) прямое авторское высказывание, позиция рассказчика соответствует позиции автора; анализ действительности равен иногда художественному образу этой действительности;

4) можно отметить факт *прямого обращения автора к читателю, его полемически заряжающее почти летописное повествование. Наряду с такими тропами, как метафора, метонимия, сравнение, эпитет, и другими элементами эмоционально-экспрессивной структуры авторы используют символику;*

5) эстетическое пересоздание действительности выглядит наиболее условным;

6) воссоздание не быта, но бытия во всей его сложности, закономерности и общности способно обеспечить тот уровень воплощения правды, осмысление которой дарит человеку возможность неподдельного постижения действительности, поэтому хронотопы «человеческого документа» психологичны, социальны, философичны;

7) автор создает пространство, в котором все подчинено друг другу, блокадный человек живет проблемами города, выживает блокадный человек – выживает город, и наоборот, выживает город – выживет и блокадный человек; складывается ощущение

внутреннего пространства, читатель тоже находится внутри, чувствует все то же, что и герои, хочет поскорее выбраться из текста, дочитав его, осознавая радость, что ему не пришлось переживать такое в своей жизни;

8) «документальная литература» представляет читателю бесконечное множество людских «правд», в котором жизнь зачатую дробится, разбиваясь на отдельные кусочки, в этом ее непреходящая ценность;

9) логика развития документа – от простого факта быта до готового образа – приводит к созданию художественно-документальной реальности.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в книге Л. Гинзбург есть основные черты «человеческого документа», тексты являются яркими примерами этого жанра.

Список литературы

1. Баскирк Э. «Самоотстранение» как этический и эстетический принцип в прозе Л.Я. Гинзбург // НЛЮ. – 2006. – №81.
2. Гинзбург Л. Вокруг «Записок блокадного человека» // Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека, М.: Новое издательство, 2011.
3. Гинзбург Л. Записки блокадного человека // Человек за письменным столом, М.: Советский писатель, 1989.
4. Зорин А. Проза Л.Я. Гинзбург и гуманитарная мысль XX века // НЛЮ. – 2005. – № 76.
5. Кобрин К. Лидия Гинзбург: Прорыв блокадного круга // Новый мир. – 2005. – № 5.
6. Шкловский В. Петербург в блокаде // Ход коня: Сб. ст., М.: Соль, 1999.
7. Специфика художественной образности в «документальной литературе» // Филологические науки. 2007. № 1. 0,5 а.л.
8. О «документальных» жанрах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2007. № 2 «Документальное начало в литературе XX века». Монография. – М.: Флинта; Наука, 2006.
9. WWW.DISSERS.RU. Бесплатная Электронная библиотека. Статья из научного труда Е.Г. Местергази.